

**ВРЕМЯ И КУЛЬТУРА
В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ**

*Материалы XIV Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции*

«Аграф-Пресс»

2008

О.Б. БЕЛИКОВА

Россия, Томск

Томский государственный университет

**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ТАЁЖНОМ ПРИЧУЛЫМЬЕ КОНЦА XVI–XVII в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗЫРЯНСКОГО МОГИЛЬНИКА)**

На основе письменных источников исследователи со времени работ Г.Ф. Миллера признают существование в Зауралье дорусского земледелия («дорусской пашни»). Накануне массового прихода русских земледелием занимались сибирские татары, бухарцы, манси, селькупы, телеуты, тувинцы, буряты и др. Как писал В.И. Шунков относительно Западной Сибири, земледелие незначительных размеров «было не только примитивным по своему техническому уровню (состав хлебов и техника), – оно было примитивным и по своему хозяйственному значению, являясь лишь подспорьем в промысловом, основном хозяйстве» (1946, с. 106–107). А.Г. Селезнёв, И.А. Селезнёва и Е.А. Бельгибаев в обобщающей работе по исследованию определённого ими «лесного южносибирского культурного комплекса», просуществовавшего в таёжной зоне южной части Сибири вплоть до этнографической современности, одним из традиционных базовых параметров его многоотраслевого хозяйства называют земледелие, отмечая при этом недостаток археологических источников (2006, с. 141–165).

В средневековой археологии юга Западной Сибири, включая Верхнее и Среднее Приобье, изучение земледелия остаётся малоразработанным направлением. Одним из показателей этого является инициирование в 2007 г. Институтом проблем освоения Севера Сибирского отделения (г. Тюмень) и Институтом экологии растений и животных Уральского отделения (г. Екатеринбург) РАН совместных широкомасштабных исследований проблемы западносибирского земледелия, предполагающих целенаправленный поиск, анализ и интерпретацию палеоботанических материалов (карпологических и палинологических) для памятников разных эпох.

Малоразработанность проблемы развития земледелия относительно коренных жителей Западной Сибири подтверждается отсутствием среди исследователей единодушия по вопросам методико-теоретического плана. В археологии это проявляется в использовании различных терминов к железным втульчатым наконечникам орудий для обработки почвы (мотыжка, наральник, сошник и др.). По-разному определяется землеобрабатывающее орудие, частью которого являлся такой железный наконечник – ручное орудие (мотыга) или упряжное пахотное орудие: рало, соха, плуг и пр. В результате, на одних и тех же артефактах нет единодушия в определении общего характера обработки почвы – ручное мотыжное или пашенное, а также общей земледельческой системы – переложной, подсечно-огневой, залежно-паровой и проч.

Полагаю, что в археологии юга Западной Сибири успех в разработке проблемы существования земледелия у аборигенного населения во многом сопряжён с тщательными исследованиями по отдельным природным ареалам, включая таёжное Причулымье, а предварительно – по конкретным репрезентативным памятникам. К последним относится Зырянский могильник. Расположен в 3 км от райцентра Зырянское Зырянского района Томской области, на р. Чулым, между устьями его левых притоков Яя и Кия. Курган 1 раскопан О.Б. Беликовой при участии В.А. Дрёмова в 1985 г. (коллекция № 7578 / Фонды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ).

Палеоэкономические реконструкции по материалам единственного коллективного погребения кургана 1 указанного памятника значительно осложнены тем обстоятельством, что их датировка сегодня определена достаточно широко: конец XVI – XVII в. Этот хронологический диапазон в истории таёжного Причулымья характеризуется двумя культурными традициями («местной» и «русской»), определяемыми тем, что в конце XVI в. и первой половине XVII в. присутствие русских и, соответственно, их влияние здесь было незначительным, а во второй половине XVII в. – довольно заметным. Рассмотрение проблемы земледелия на основе Зырянского могильника последовательно нацелено на два ключевых вопроса. Существовало ли земледелие у аборигенного населения таёжного Причулымья в конце XVI – XVII в.? Его можно считать исконно традиционным или приписывать всецело заимствованным от русских? Имеющиеся материалы рассматриваются в нескольких аспектах.

Факт занятия земледелием в конце XVI–XVII в. населения таёжного Причулымья, а именно Яя-Кийского междуречья, самым надёжным образом подтверждают две главных находки из погребения кургана 1 Зырянского могильника: железный втульчатый наконечник земледельческого орудия (рис. 1) и обнаруженные в составе археоботанического объекта из семени возделываемой куль-

туры: овёс посевной – *Avena sativa* L. Как предполагает палеокарполог Е.А. Пономарёва, «растительные остатки принадлежат всё-таки примитивной, но культурной форме овса (*Avena sativa*), предназначенной для фуражных целей (для корма лошадей)» (Беликова, Пономарёва, 2005, с. 330).

Определяющей для занятия земледелием в таёжном Причулымье является и *экологическая ситуация*. Характеризуя природные условия района в проекцию на этнографию чулымских тюрков, Э.Л. Львова заключает, что «сочетание климатических факторов здесь исключительно благоприятно по сравнению как с другими районами лесной зоны, так и с южнее расположенными степными пространствами», а в целом способствует развитию многоотраслевого хозяйства, включающего и земледелие. В подтверждение она приводит показатель биологической продуктивности климата применительно к культурным сельскохозяйственным растениям (Тюрки таёжного Причулымья..., 1991, с. 96–98), определённый Г.М. Сергеевым в максимальные для лесной зоны Западной Сибири 100 баллов (1972). Этот показатель характеризует и Яя-Кийское междуречье, где расположен Зырянский могильник.

На этой территории основной фон почвенного покрова составляют серые лесные оподзоленные почвы. Кроме того, по левобережью Кии в пределах Зырянского района Томской области отмечено также наличие небольших участков чернозёмных почв (Кузнецов К.А., 1951, с. 69, 72). По схеме районирования Западной Сибири по сумме признаков болотного процесса для Яйского района характерна небольшая заболоченность – 15–20 % (Львов Ю.А., 1987, с. 58). Около 60–70 % почв Яя-Кийского междуречья имеет «нормальное и кратковременно-избыточное увлажнение», что в итоге определяет их довольно высокое естественное потенциальное плодородие (Ландшафтно-мелиоративные комплексы..., 1978, с. 141). Тем не менее, этот район относится к зоне рискованного земледелия.

Агротехнические вопросы относительно территории Яя-Кийского междуречья конца XVI–XVII в. являются более сложными, нежели доказательство самого распространения земледелия. Попытка их решения основывается на анализе *морфологии наконечника землеобрабатывающего орудия* (рис. 1), который предназначался для первичной обработки почвы. Он находился среди инвентаря, обнаруженного «в ногах» костяка 2 кургана 1 Зырянского могильника (Полагаю, что в погребение поместили именно наконечник, без части деревянного остова орудия). Железный предмет при раскопках был обнаружен в плохом состоянии и при снятии рассыпался на фрагменты. Графическая реконструкция позволила определить его общую форму и размеры, дать формально-типологическую характеристику.

По общей конструкции наконечник является втульчатым. Несомкнутая втулка по внешнему концу имеет сечение в виде подпрямоугольной скобки. Общая длина орудия (L) около 18,0 см, длина втулки (l) 8,0 см, ширина втулки (d₁) около 5,5 см, наибольшая ширина лопасти (d₂) около 7,0 см. Показатель соотношения длины лопасти к общей длине изделия (i) – 0,55. Наличие уступа-упора по внутренней стороне орудия – на границе втулки и лопасти – не прослежено, не исключено, что из-за

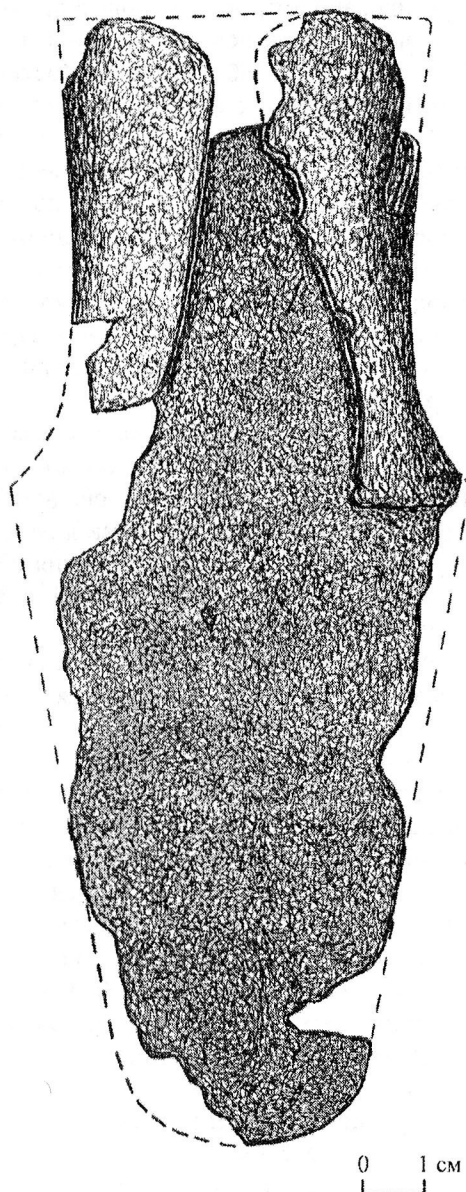

Рис. 1. Зырянский курганный могильник (р. Чулым, правый приток р. Обь). Курган 1, погребение, костяк 2. Железный наконечник землеобрабатывающего орудия. Раскопки О.Б. Беликовой 1985 г.

коррозированности. А на боковых краях орудия, в месте перехода втулки в лопасть присутствуют хорошо выраженные покатые плечики шириной до 1,0 см. Форма лопасти вытянуто-подтреугольная, симметричная, её рабочий конец (остриё) закруглён. Несмотря на разрушенность предмета, можно уверенно сказать, что его общий профиль – прямой.

На одном из крупных фрагментов орудия чётко выявляется наличие ребра по длинной оси лопасти (фиксируется приподнятость поверхности), которая за счёт этого приобретает подтреугольное сечение. Однако сложность морфологического описания артефакта состоит в том, что его фрагментарность не позволила чётко определить месторасположение этого ребра: на внутренней (со стороны разъёма втулки) или внешней стороне лопасти? Скорее всего, ребро находилось на его внутренней стороне. Это предположение следует из сравнения с аналогичными почвообрабатывающими орудиями, в том числе с двумя из таёжного Причулымья (курган 21 X – первой половины XI в. Калмакского могильника) (Беликова, 1996, с. 63, рис. 82/ 1, 2), у которых ребро находилось именно на внутренней поверхности лопасти.

Металлической частью какого землеобрабатывающего орудия являлся наконечник из Зырянского могильника? Теоретически, он мог относиться к их разным типам – как к ручным (мотыжным), так и к тягловым (пахотным). А среди последних по функциональным особенностям выделяют две большие группы. Безотвальными являются рыхлящие орудия, они не имеют отвала и предназначены для разрывания почвы и раздвигания её на обе стороны. Другие приспособления для вспашки земли относятся к числу плужных орудий, отвал которых переворачивает пласт земли и отбрасывает его в сторону (Краснов, 1975, с. 7; и др.).

Артефакт из Зырянского могильника, вероятно, относился к пахотному безотвальному орудью. У него более широкая клиновидная лопасть, а не втулка. Из данного обстоятельства следует, что наконечник достаточно свободно проходил в борозде – втулка этому не мешала. Форма наконечника позволяет также предположить, что во время земляных работ он находился в горизонтальном, а не вертикальном положении. В.И. Довженок, анализируя аналогичные орудия восточных славян второй половины I тыс. н.э., пришёл к выводу, что «они были приспособлены для работы в горизонтальном положении, а не под углом к почве», как это характерно для наральников, у которых лопасть уже втулки (1952, с. 129–130). Для предположения о тягловом характере земледелия показателен и факт занятия позднесредневекового населения Причулымья коневодством.

По своим типологическим признакам (форма, пропорции орудия относительно длины и ширины лезвия и проч.) наконечник из Зырянского могильника, судя по публикациям, явно отличен от железных втульчатых деталей таких ручных хозяйственных орудий, как озуп для выкапывания корней и абыл (мотыга) для ручного вскапывания земли, распространённых у населения Алтае-Саянского нагорья.

Изучение *генезиса земледелия*, существовавшего у аборигенного населения Яя-Кийском районе в конце XVI – XVII в., сопряжено с отсутствием письменных сведений по этому поводу. В пользу местного, традиционного характера земледелия, а не возникновения его в результате контактов с русским населением свидетельствуют следующие основные положения.

Во-первых, земледелие в таёжном Причулымье существовало ещё в эпоху развитого средневековья. Это установлено при исследовании среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов X–XIII вв. на основе двух железных наконечников землеобрабатывающих орудий из погребения кургана 21 X – первой половины XI в. Калмакского могильника (Беликова, 1992; 1996, с. 145). Типологическое сходство втульчатых наконечников из Зырянского и Калмакского могильников позволяет говорить, что в узколокальном районе устьей р. Яя и Кия земледелие конца XVI–XVII в. развивалось на основе предшествующего земледелия развитого средневековья.

Во-вторых, характеризуя традиционный культурно-хозяйственный комплекс чулымских тюрок таёжного Причулымья как многоотраслевой, Э.Л. Львова одним из компонентов его производящей экономики определяет примитивное ручное земледелие. Ею было выдвинуто предположение о давнем бытовании навыков земледелия: «возможно, языковые следы его существования принадлежат к более отдалённому прошлому, ещё до того, как тюркоязычные предки чулымцев осели на этой территории». В качестве аргументов Э.Л. Львова приводит названия злаков из списка известных растений, составленных Г.-Ф. Миллером по материалам языка чулымских тюрок: Arysche – рожь; Buatai, Bundai – пшеница; Arba, Asch – ячмень; Sulu – овёс (Тюрки таёжного Причулымья..., 1991, с. 57–60, 98–100).

В-третьих, на территории таёжного Причулымья конца XVI–XVII в. влияние русских было незначительным. Чулымские тюрки были объяснены, и в XVII в. русская администрация с них взимала ясак только в виде пушнины. Развитию в первой половине XVII в. сельскохозяйственных поселений русских на Чулыме, как и в других районах Томского уезда, препятствовали набеги в Причулымье южных кочевников, а также политика царской администрации, запрещающая русским поселенцам занимать ясачные волости, чтобы не уменьшить поступление пушнины (Бояршинова, 1951, с. 116). На картах В.И. Шункова «Томско-Кузнецкий земледельческий район в XVII в.» и «Размещение сибирского земледелия в XVII в.» (1956, с. 63, 253) на территории таёжного Причулымья отсутствуют земледельческие районы, отражающие заведение пашни русскими.

Русские деревни и сёла в Причулымье стали возникать только во второй половине XVII в. Первое постоянное поселение русских здесь было основано казаками Дороховыми в 1652 г. на р. Яя (Толстов, 1995, с. 43). По исследованию Н.Ф. Емельянова, к 1700 г. на территории Чулымско-Яйского стана – одном из восьми станов Томского уезда, насчитывалось 24 двора (3 %) тяглого населения, которое в основном состояло из государевых и монастырских крестьян, посадских и гулящих людей (1975, с. 9–10). Активные контакты чулымцев с русским населением характерны уже для XVIII в.

Причулымье в XVII в. находилось в стороне от основного транспортного пути того времени, который из Тобольска шёл по Иртышу на Обь и продолжался от устья Кети, по Кети к Енисею, к г. Енисейску, что в итоге ослабляло прилив русского крестьянского населения и, соответственно, развёртывание земледелия (Шунков, 1956, с. 67). Основные торговые пути, связывающие Тобольск с Восточной Сибирью, в XVII в. миновали Чулым.

Основные выводы. Археологический материал из кургана 1 Зырянского могильника с несомненностью свидетельствуют о развитии в конце XVI–XVII в. земледелия на левобережье р. Чулым, на территории между устьями р. Яя и Кия. Палеоботанические реконструкции показывают распространение на ней в XVI–XVII вв. тёмнохвойных лесов, которые позднее, вследствие активного хозяйственного освоения были постепенно сменены лиственными лесами. Занятие земледелием в южнотаёжной зоне Причулымья предполагало освоение небольших участков, занятых лесом или свободных от него. Для первичной обработки земли использовали железные втульчатые наконечники, являющиеся деталями, предположительно, тягловых пахотных орудий. Традиционность занятия земледелием коренного населения, проживавшего в районе устьев р. Яя и Кия в конце XVI–XVII в., аргументируется обнаружением здесь землеобрабатывающих орудий X – первой половины XI в. Видимо, развитая культура земледелия русских крестьян была привнесена в таёжное Причулымье на уже определённым образом сложившуюся земледельческую систему.

А.И. БОБРОВА, М.П. РЫКУН

Россия, г. Томск

Томский областной краеведческий музей

Томский государственный университет

ТИСКИНО: ВРЕМЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОС, ПАЛЕОПОПУЛЯЦИЯ*

Изучение древней истории коренных народов Западной Сибири является одной из актуальных проблем современности. Вопросы культурной и этнической принадлежности конкретных памятников, происхождение и этническая история их носителей остаются и сегодня наиболее дискуссионными, а неравномерность территориального и хронологического изучения до сих пор сказывается на разработке их периодизации и внутренней хронологии.

Фундаментальная источниковая база, полученная в результате раскопок на территории Томско-Нарымского Приобья и Причулымья, позволила А.П. Дульзону провести сравнительный анализ материалов из могильников II тыс. и выделить селькупскую курганную культуру (1953, с. 136, 194), культуру томских (Тоянов городок, Чернильщиково, Тохтамышево, наземные погребения Томского могильника, Басандайские) и чулымских тюрков (Тургай и Балагачево). В основу выделения первой были положены материалы могильников XVI–XVII вв. у с. Молчаново на р. Оби, которые позволили

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 08-01-00427а.